

0- 780025

На правах рукописи

АЛАВЕРДЯН Артем Левушевич

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ И ИДЕНТИЧНОСТЬ
В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Специальность 09.00.13 – религиоведение, философская антропология,
философия культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Белгород – 2009

Работа выполнена на кафедре философии
ГОУ ВПО «Белгородский государственный университет»

Научный консультант:	доктор философских наук, доцент Страхов Александр Михайлович
Официальные оппоненты:	доктор философских наук, профессор Королева Людмила Георгиевна кандидат философских наук, доцент Туркина Виктория Григорьевна
Ведущая организация	Белгородский государственный университет потребительской кооперации

Защита состоится 24 декабря 2009 г. в 14.00 часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по философским наукам при Белгородском государственном университете (308000 г. Белгород, ул. Преображенская, 78).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Белгородского государственного университета (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан «23» ноября 2009 г.

Автореферат размещен на сайте: <http://www.bsu.edu.ru>

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000621550

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Т.И. Липич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В условиях информационного, постиндустриального общества и происходящей в мире глобализации, затрагивающей все сферы жизнедеятельности человечества, модернизация продолжает выступать показателем социального прогресса при всей противоречивости последнего, а для современной России превратилась в насущную потребность и безотлагательную задачу, о чем прямо заявил нынешний Президент Российской Федерации Д.А. Медведев.

С одной стороны, возрастает взаимозависимость стран и народов, составляющих человечество, с другой – не только сохраняется многообразие культур, требующее их диалога, но и наблюдается тенденция к росту этнического самосознания, обостряется проблема самоидентификации. От двупольного мира человечество переходит к многополярности, в которой ищет и находит себе место современная Россия, где сложился ценнейший опыт существования этносов, конфессий и культур.

Дальнейшему осмыслению подлежит не только модернизационный процесс в России, но и связанный с модернизацией (ее определяющий и ею определяемый) отечественный менталитет.

Обращение к этнокультурному менталитету в условиях модернизирующегося российского общества важно и для выявления перспектив, стратегий будущего развития нашей страны, что особо актуализирует тему данного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Поднимаемые в исследовании вопросы модернизации, идентичности и идентификации, менталитета и ментальности получили интересное освещение на страницах отечественной и зарубежной философской и социологической литературы.

На Западе изучение менталитета началось в XIX веке и первоначально проходило в русле биологии, затем приобрело философский смысл в исследованиях французской школы Анналов.

Разработка проблемы менталитета в отечественной науке началась со второй половины XX века. Но проблемы национальной самобытности русского народа и специфики русского характера интересовали ученых и ранее. Выявлению сущности русского национального характера и менталитета посвящены работы Н.А. Бердяева, Г.Д. Гачева, Л.Н. Гумилева, И.В. Грушева, И.А. Ильина, К.А. Касьяновой, И.В. Киреевского, В. О.Ключевского, Д.С. Лихачева, Н.О. Лосского, И.О Павлова, В.С. Соловьева, П.А. Сорокина, С.Л. Франка и других.

С философской точки зрения менталитет анализировали А.С. Ахиезер, П.С. Барулин А.Я. Гуревич, И.К. Пантин и другие. С социологической -- А.П. Бутенко, А.А. Вилков, Б.С. Гершунский, И.В. Грушев, Ю.В. Колесниченко, В.П. Кусов, А.И. Редель и другие. В рамках социальной психологии менталитет исследовали К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, И.Г. Дубов, А.М.Ковалев, Б.Д. Парыгин, Б.Ф. Поршнев, Л.М. Смирнов и другие.

Проблемы модернизации были поставлены впервые в работах К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Зомбарта, Ф. Тенниса. Можно назвать основные имена современных исследователей, в которых эта проблематика нашла отражение: Р. Аптер, Х. Арендт, Р. Арон, У. Браун, Ф. Бродель, Т. Веблен, А. Винер, Р. Гвардини, Э. Гидденс, В. Гуриан, А. Камю, Г. Кон, Р. Ларнер, В.И. Ленин, В. Леви, Г. Маркузе, К. Манхейма, Р. Мур, Э. Нольте, Т. Парсонс, К. Поланьи, К. Поппер, У. Росту, Н. Смеезер, Э. Фромм, А. Дж. Тойнби, А. де Токвиль, А. Турен, Ю. Хабермас, П. Хаген, Ф. Хайек, А. Шадд, О. Шпенглер, С. Эйзенштадт и многие другие.

Критика модернизации и переосмысление культуры модерна нашли отражение и в философии постмодерна (Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, Г. Дебор, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар), постиндустриализма (У. Бек, Д. Белл), информационного общества (Д. Нейсбит, В.Л. Иноземцев, М. Кастельс, С. Лэш, И.С. Мелюхин, В.П. Терин, Э. Тоффлер, А.В. Чугунов), неолиберальной глобализации (Э.А. Азроянц, З. Бауман, И. Валлерстайн, А.В. Назарчук, Дж. Сорос, Дж. Стиглиц, Л. Туроу).

Специфика отечественной модернизации в ее связи с национальным менталитетом и в контексте формирования этнокультурной идентичности в российской философии и социально-гуманитарной науке представлена в работах А.С. Ахиезера, Л.А. Беляевой, А.Г. Вишневого, М.К. Горшкова, М.М. Громыко, М.Г. Делягина, Г.Г. Дилигенского, Т.И. Заславской, Е.К. Касьянова, В.С. Магуна, Е.З. Майминаса, Н.И. Лапина, Ю.А. Левады, С.М. Липсета, Э.А Орловой, А.С. Панарина, Л.В. Полякова, Г.Л. Смоляна, В.Г. Федотова, В.Г. Хороса, О.И. Шкаратана, В.А. Ядова и др. Социально-философские аспекты идентичности исследует М.В. Заковоротная. Цивилизационную идентичность России в русской философии культуры изучает Л.Г. Королева.

Однако, следует признать, что в комплексе, применительно к специфике формирования менталитета и этнокультурной идентичности постсоветской России и в контексте трансформационной постиндустриальной модернизации обозначенная проблематика еще не нашла должного освещения. В связи с этим нами и было предпринято философско-культурологическое и философско-антропологическое исследование обозначенного предметного пространства.

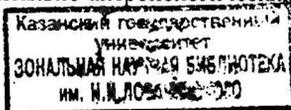
Объект исследования – модернизация российской культурно-цивилизационной системы на современном этапе.

Предмет исследования – этнокультурный менталитет и идентичности (коллективные и индивидуальные) в условиях модернизирующейся России.

Цель исследования состоит в философско-антропологическом рассмотрении трансформации этнокультурного менталитета и идентичностей в контексте постиндустриальной модернизации России.

Задачи исследования:

– уточнить основные понятия в контексте теоретико-методологических проблем ментально-антропологических изменений в процессе модернизации;

- показать связь российского этнокультурного менталитета с культурно-историческими типами модернизации в России;
- выявить изменения в отечественном этнокультурном менталитете и ментально-антропологических формах в контексте модернизационных изменений и кризисов последнего столетия;
- определить противоречивость этнокультурного менталитета русского этноса и его роль в процессах постиндустриальной модернизации и глобализации.

Теоретико-методологические основы исследования. Цель и задачи исследования определили ряд теоретико-методологических основ и процедур:

- противоречивость исследуемых ментально-идеологических и социокультурных процессов потребовала применения *диалектического метода*, предполагающего идею развития через преодоление противоположностей и трансформацию;
- *компаративистский анализ*, в ходе которого осуществлялось сравнение этапов модернизации и изменений в отечественном этнокультурном менталитете;
- *принципы плюрализма и толерантности*, допускающие мультикультурализм в исследовании и оценке отечественного постмодерна и необходимость взаимоуважения и терпимости, реализуемых не в конфронтации, а в диалоге культур;
- *культурно-философская антропология* применительно к данному исследованию предполагает включение в него обыденных дискурсов (структур повседневности) и литературно-художественных текстов, отражающих объект и предмет исследования.

Научная новизна исследования:

- в ходе рассмотрения теоретико-методологических проблем исследования ментально-антропологических изменений в процессе модернизации введены понятия «ментально-антропологическая форма» и «ментально-антропологическая модель», а к этнокультурным менталитетам и идентичностям реализован подход как к сложным личностным и субкультурным феноменам;
- показана связь противоречивого российского этнокультурного менталитета с типами модернизации в культурно-цивилизационном развитии России, которые и определили как позитивные, так и негативные моменты в ментальной антропологии россиян;
- выявлены изменения в отечественном этнокультурном менталитете последнего столетия, связанные с культурно-цивилизационными сломами и, соответственно, ментально-антропологическими трансформациями;
- определена противоречивость этнокультурного менталитета русского этноса в условиях постсоветской России, включенной в процессы постиндустриальной модернизации и глобализации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Нами вводится понятие «ментально-антропологическая форма», которое отражает совокупность относительно устойчивых связей сознания и мировоззренческой специфики той или иной личности, социальной группы и культурной (субкультурной) общности. На теоретическом уровне ментально-антропологическая форма выступает как ментально-антропологическая модель, включающая «образные» и «дискурсные» параметры (образ применим к художественной рефлексии; дискурс реализуется посредством семиотических образований). Ментально-антропологические формы трансформируются в ходе модернизации и отражаются в понятийно-теоретическом ряде (соответственно, в ментально-антропологических моделях).

2. Модернизация как процесс перехода от традиционного к индустриальному, а затем к постиндустриальному обществу предстает вначале как колонизация, во второй половине прошлого века – как глобализация. Последствиями модернизации, осуществлявшейся как колонизация и глобализация, выступает становление поликультурных обществ, в том числе и в России. Российская ментально-антропологическая модель отличается поликультурностью, т.е. сосуществованием и диалогом значительного количества культур и субкультур (соответственно, этнокультурных менталитетов).

3. Модернизационный кризис затронул все сферы российского общества, отразился на демографической ситуации и вызвал ментально-антропологические трансформации. Современная модернизация России проходит на фоне ослабления национальной идентичности и роста *идентичностей фрагментарных*, в первую очередь этнокультурных. Вместе с тем этнокультурный менталитет наполняется новым содержанием, обращаясь в сторону «государственного» патриотизма. Этнокультурный русский менталитет, основу которого составляет «русский характер», проявляет терпимость к культурам других этносов и к инакомыслию в целом. Этнокультурный менталитет в свою очередь претерпел изменения в связи с модернизацией, что отражается в «полифонии» мировоззренческих установок, определяемых не только этнокультурной и субкультурной принадлежностью субъектов мировоззрения, но и индивидуальными, личностными особенностями россиян.

4. Противоречивость этнокультурного менталитета русского государствообразующего этноса накладывается на противоречивость места, занимаемого Россией в мировой культуре, где отчетливо проявляется диалектика особенного и общего. Соответственно, не может не быть противоречивым включение России в процесс глобализации, когда необходимо сочетать российскую специфику, в том числе и этнокультурную, личностные, субкультурные ментально-антропологические формы и общечеловеческие тенденции в культурно-антропологическом измерении модернизации и глобализации.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в учебном процессе по курсу «Философия», в патриотическом воспитании студенчества и молодежи, в разработке программ социального развития разных уровней. Материалы исследования пред-

ставляют интерес для философской антропологии и ряда смежных областей социогуманитарного знания.

Апробация результатов исследования. Материалы исследования апробированы на ряде научных и научно-практических международных, всероссийских, межвузовских и региональных конференций: «Язык, фольклор, культура: проблемы взаимодействия» (Белгород, 2005 г.); «Менталитет, мировоззрение, *specto* в педагогике ненасилия» (Санкт-Петербург, 2007 г.); «Образ русского человека в философской и социальной мысли» (Кемерово, 2008 г.); «Образование и здоровье в педагогике ненасилия» (Санкт-Петербург, 2008 г.); «Философия поверх барьеров: Планетарное мышление и глобализация XXI века» (Белгород, 2006 г.); «Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы» (Омск, 2007 г.); «Исследование мира и мировоззренческий дискурс в системе образования» (Томск, 2007 г.); «Человек в современном социуме: культура, этнос, гендер» (Тула, 2008 г.); «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2008» (Одесса, 2008 г.); «Современные проблемы науки» (Тамбов, 2008 г.); «Наука и молодежь в начале нового столетия» (Губкин, 2008 г.); «Н.Н. Страхов и русская культура XIX-XX вв.: к 180-летию со дня рождения» (Белгород, 2008 г.); «Философия поверх барьеров» (Белгород, 2009 г.).

Научные результаты диссертационного исследования изложены в 19 публикациях общим объемом 5,9 п.л.

Структура диссертации. Структура диссертации представляет собой введение, две главы, каждая по два параграфа, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, дан анализ состояния научной разработанности проблемы, определяются предмет, цель, задачи и теоретико-методологические основы исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Теоретико-методологические проблемы ментально-антропологических изменений в процессах российской модернизации» диссертант вырабатывает методологические ориентиры, позволяющие плодотворно исследовать сложные трансформационные процессы изменения ментальности и идентичности человека и социальных общностей в постсоветской России за последние десятилетия.

В первом параграфе «Понятия «ментальность», «менталитет», «этнокультурный менталитет»: философско-культурологический статус» автор отмечает, что современный отечественный философско-категориальный аппарат обогатился целым рядом носящих междисциплинарный характер понятий, появление которых вызвано повышенным вниманием к проблемам философской антропологии в различных измерениях, что, в свою очередь, связано с «антропологическим кризисом» и «антропологическим поворотом» в современную культурную эпоху.

В наши дни наблюдается растущее противоречие между обретающей все более ярко выраженные культурные черты глобализацией и ростом этнического и национального самосознания, что определяет актуальность философской категоризации таких столь распространенных в современном социогуманитарном знании понятий, как «менталитет», «ментальность», «идентичность», «идентификация», «национальный характер».

Начало распространению в научном категориальном аппарате понятия «ментальность» положено Л. Леви-Брюлем, что солидарно отмечается отечественными исследователями. Что касается категории «менталитет», то ее появление связывают то с американцем Р. Эмерсоном, то с французами М. Блоком и Л. Февром (школа «Анналов»). Однако, рядом исследователей (С.С. Неретина, А.П. Огурцов) отмечено, что еще до революции в рамках российской культурно-исторической школы И.М. Гревса данные категории уже применялись. В послереволюционных работах И.А. Ильина мы также обнаруживаем самостоятельное применение этих понятий.

В настоящее время в отечественном социогуманитарном знании нередко используются такие категории, как «ментальное пространство» и (или) «ментальное поле», казалось бы, полностью совпадающие, как совпадает понимание в современной общественной литературе категории «пространство» и «поле» (например, правовое пространство и правовое поле, социокультурное пространство и социокультурное поле синонимичны), но, тем не менее, разными авторами трактуемые очень по-разному.

В связи с этим возникает вопрос: коль скоро в современном социогуманитарном знании нет ясности, совпадают ли или различаются категории «менталитет» и «ментальность», то не явилось бы оправданным, образуя соответствующее прилагательное – **ментальное**, использовать его исключительно в текстах, где отождествляются «ментальность» и «менталитет», и применять **ментальностное** или **менталитетное** там, где содержание данных категорий не совпадает? Отдаем отчет, насколько пострадал бы и так перенасыщенный «новоязами» русский язык, но такая практика способна внести ясность в рассуждения о «ментальном» то ли применительно к «менталитету», то ли к «ментальности», то ли к отождествляемым тому и другому.

Различия эти представляются нам *функциональными*, а не *содержательными*. Соотношение «менталитета» и «ментальности» – соотношение не двух пусть и близких по содержанию, но относительно самостоятельных предметов, а соотношение предмета (менталитет) и свойства его быть таковым (ментальность). На наш взгляд, *менталитет* – *состояние*, *ментальность* – *свойство*, *состояние характеризующее*. Сколь-нибудь принципиальных различий менталитета и ментальности обнаружить не удастся, но последняя, как свойство, разумеется, обладает меньшей устойчивостью и большей вариативностью.

Немало различий наблюдается в отечественной исследовательской социогуманитарной литературе и в определении менталитета. В связи с этим представляется целесообразным подойти к определению менталитета через мировоззрение, субъектом (носителем) которого являются личность, группа

людей (коллектив), историческая общность, человечество. С определением «мировоззрения», кстати, таких сложностей и затруднений, как с определением «менталитета», не наблюдается. Включая в себя все составляющие мировоззрения, менталитет не сводим к ним, а выступает специфическим *способом мировоззрения*, присущим тому или иному его субъекту. *Менталитет – своеобразие мировоззрения, вытекающее из специфики его субъекта.*

Помимо личности и человечества субъектом мировоззрения являются группы людей, что позволяет выделить следующие ментально-антропологические формы: этнические, гражданские (национальные), религиозные, половые (гендерные), субкультурные. Последние чрезвычайно многообразны и включают в себя девиантный, корпоративный, контркультурный и другие способы мировоззрения. Разумеется, такое разделение достаточно условно, как условна социальная структура в целом: менталитет личности как индивидуального носителя мировоззрения представляет собой порой очень причудливое и противоречивое смешение особенностей способа мировоззренческого освоения, присущих тем или иным ментально-антропологическим формам. В современной отечественной исследовательской литературе немалое внимание уделяется этнической ментально-антропологической форме. При этом авторы включают «национальный характер» в «менталитет».

Рост национального сознания как одна из существенных черт модернизации на рубеже XX-XXI веков обуславливает актуальность обращения к проблемам этнокультурного менталитета, что особенно важно для полиэтнических государств, каковыми являются в той или иной степени практически все страны на постсоветском пространстве. Мы используем понятие «этнокультурный менталитет», так как полагаем, что оно более адекватно, чем понятие «этнический менталитет», отражает процессы, происходящие в современном социокультурном пространстве российского и иных обществ, и фиксирует ту диалектику, которая присутствует в решении проблемы социально- и биологического в человеке, неразрывно связанных друг с другом.

Этнокультурный менталитет мы понимаем как своеобразие мировоззрения, вытекающее из специфики его коллективного субъекта – этноса. Его составляющими тогда будут выступать такие ментально-антропологические формы, как *национальный менталитет*, где этнос является субъектом государственного образования, *религиозный менталитет*, где этнос является носителем определенного вероисповедования; в рамках этнокультурного менталитета наличествуют *субкультурные менталитеты*, в том числе носящие маргинальный характер по отношению к нему.

Понимание «идентификации», «идентичности» также чрезвычайно актуализируется в связи с выделением этнической формы. В той же степени сказанное относится к «национальному характеру», «народной душе». Понятие «самость» присутствовала ранее в немецкой философской мысли, например, у Ф. Шеллинга и Ф. Шлегеля, как и «идентичность», разделяемая Шеллингом на абсолютную и относительную и трактуемая как единство. «Идентичность» и «идентификация» получили распространение благодаря психо-

логическим исследованиям (фрейдизм, неофрейдизм, особый вклад в теорию идентичности принадлежит Э. Эриксону), вместе с ними вводится в научный обиход категория «самость», понимаемая К. Юнгом как архетип коллективного бессознательного; у К. Поппера «самость» предстает как самосознание.

В настоящее время идентичность и идентификация приобрели междисциплинарный статус, наблюдается усиление их философско-антропологического значения. К сожалению, многие авторы пишут об идентификации и идентичности, не затрудняя себя их дефиницией, как об установившихся и однозначных терминах. Идентичность предстает как результат, ставшее, в отличие от идентификации как принятия, восприятия какой-либо модели. Идентификация тогда будет выступать как отождествление себя с другими, а идентичность – как различие от других на основе становящегося. В этнокультурном отношении идентичность (коллективная идентичность) представляет собой процесс становления национального самосознания (об «этническом самосознании» говорить уместно применительно к прошлому, поскольку в современном «глобализирующимся» и «информационном» человечестве наблюдается диалог и взаимовлияние культур), но не ограничивается им, поскольку значительно шире.

Отмечаемый как в зарубежной, так в российской литературе кризис идентичности проявляется со всей очевидностью и в сфере межнациональных отношений (а внутри нации и межэтнических). Довольно часто можно встретить упрощенное толкование обострения этих отношений на постсоветском пространстве как следствия тоталитаризма. Последний несомненно внес свой вклад в основу современного неблагополучия, однако обострение межэтнических противоречий переживают самые, казалось бы, благополучные, с давними демократическими традициями государства, Канада, например, да и в старой Европе хватает проблем, как видно, не решаемых в рамках провозглашаемого мультикультурализма. Западная демократия оказалась беспомощной не только перед международным, связанным с исламским экстремизмом и радикальным фундаментализмом, терроризмом, но и терроризмом «европейским» (Великобритания, Испания, к примеру).

Во втором параграфе «*Этнокультурный менталитет и культурно-историческая типология модернизаций*» развивается положение о том, что этнокультурный менталитет личности как индивидуального носителя мировоззрения представляет собой порой очень причудливое и противоречивое смешение особенностей способа мировоззренческого освоения, присущих тем или иным ментально-антропологическим коллективным формам. Выделенные выше типы ментально-антропологических форм (этническая, религиозная, субкультурная и др.) при определенных обстоятельствах могут выступать как способы субкультурной идентификации и конституирования соответствующей идентичности, особенно в условиях культурного постмодерна и постиндустриальной плюрализации. Выступая в статусе Другого, та или иная ментально-антропологическая форма приобретает когда реальные, когда мифологизированные, но достаточно распространенные и обретающие статус стереотипа черты, подлежащие трансформации.

Это заставляет нас обратиться к характеристике специфики постиндустриальной модернизации, приобретающей свою специфику в условиях постсоветской России. В современной исследовательской литературе достаточно прочно утвердились такие понятия, как «модернизация» и «глобализация». Какие бы смысловые нюансы не присутствовали в подходах различных авторов, рассуждающих о модернизации, большинство их склоняется к тому, чтобы определить модернизацию как процесс перехода от традиционного общества к современному, которое характеризуется как информационное или индустриальное (постиндустриальное – З. Бжежинский, Д. Белл, Э. Тоффлер).

Нами также используется понятие «постмодерна» (им гуманитарная наука обязана Ж.-Ф. Лиотару), отражающее культурные изменения, которые, соответственно, привели к «постмодернизации» и «постсовременному обществу», культурно-историческому этапу «после современности-модерна». Следует заметить, что не наблюдается единой позиции по разграничению модерна и постмодерна; отсутствует строгость и в трактовке современности.

В отечественной культуре о *культурной эпохе модерна* уместно ставить вопрос применительно к концу XIX в. и до конца XX в., когда на постсоветском пространстве формируется ряд суверенных государств, среди которых выделяется демократическая Россия, а модерн сменяется новой культурной эпохой – постмодерном (российское общество представляет собой специфическое и противоречивое сосуществование традиционных, модернистских и постмодернистских культурно-цивилизационных феноменов и ментально-антропологических установок).

Относительность разграничения современности и постсовременности не позволяет нам останавливаться на постмодернизации, тем более, что представляется более корректным использование последнего понятия для характеристики тенденций будущего, а не сегодняшних реалий. Да и «постсовременность», думается, следует трактовать как «будущность», в противном случае возникает ситуация логической противоречивости и даже абсурда, когда будущее отождествляется с настоящим, причем не как тенденции и возможности, а как действительное, ставшее бытие. Стремление обозначить тот этап, в который человечество (по крайней мере, значительная его часть) вступило в связи с развитием информационных технологий и иных реалий конца прошлого – начала нынешнего веков, породило не только «постсовременность». Представляется, что современный этап социального прогресса, границы которого очерчены выше, достаточно корректно обозначать как «постиндустриальное» или «информационное» общество, тогда как «современность» применительно к обществу охватывает все разнообразие и сочетание традиций и новаций, присущее странам и народам в настоящее время.

Содержание современности исторично и меняется в ходе социального прогресса, в связи с чем *модернизация* представляет собой открытую совокупность перманентных изменений, которые в широком смысле можно распространить и на становление и развитие традиционных обществ. Но тогда переход от каменного к бронзовому веку тоже будет выглядеть как модерни-

зация, а последняя совпадет с социальным прогрессом при всей его противоречивости и многофакторности.

Такое определение распространяется и на индивидуальное бытие человека. Мы принимаем ставшее общепринятым понятие модернизации, построенное на сопоставлении «традиционного» и «современного», «индустриального общества». Заметим, что индустриальное общество западного типа при всех общих чертах вовсе не однородно: своя специфика в США и Канаде, своя в «Старой Европе», своя – в Японии и Южной Корее, а теперь и в постсоветской России. Отсюда вытекает постановка вопроса о первичной и вторичной модернизации, о вестернизации и догоняющей модели. Первичная модернизация относится к трансформации в индустриальное общество западных стран, вторичная происходит под влиянием высокоразвитого Запада в странах, называемых «развивающимися»; вестернизация – движение исключительно по западному образцу, догоняющая модернизация оставляет возможность сочетания западных ценностей с самобытностью.

Начало модернизации в вышеизложенном понимании относят к концу XVIII в. и даже несколько раньше, когда начинается приведший к колонизации захват более или менее определившейся в своих границах Европой новых территорий. Колыбелью и начинателем модернизации выступает западноевропейская христианская цивилизация, которой на протяжении всего модернизационного процесса принадлежит в реализации общечеловеческой тенденции разностороннего сближения ведущая роль. Основы традиционализма подрывались и подрываются повсеместно во многом благодаря влиянию Запада. Так происходило и в России, модернизация которой начинается с петровских реформ, по западному образцу, когда через прорубленное Петром окно в Европу стал входить к нам «западный воздух, одновременно и живительный, и ядовитый» (С.Н. Булгаков). Применительно к России правомерно ставить вопрос о «догоняющей модернизации», убедительным примером чему служит и Россия постсоветская. СССР со всеми претензиями на мировое лидерство в политическом отношении, во-первых, реализовывал западную идеологию К.Маркса и Ф. Энгельса, во-вторых, в экономике, хотя и основанной на плане, а не на рынке, во многом продолжал «догонять» Запад. Собственно, социалистическая революция 1917 г. тоже проходила под знаком западных ценностей.

В социальной модернизации выделяются составляющие: экономическая, политическая, психологическая и др. Они взаимосвязаны и не могут рассматриваться без учета человеческого фактора. Применительно к тому или иному этносу (нации, государству) модернизация приобретает специфические черты, зависящие от этнокультурного менталитета, включающего в себя этнический (национальный) характер. Этнический характер закладывается до начала модернизации и накладывает на нее свой отпечаток, не претерпевая сам изменений в отличие от менталитета. Специфика человеческого фактора будет определять ход модернизации и будущей России.

Вестернизация (американизация, поскольку лидирующие позиции в западном мире занимают или, по крайней мере, стремятся занимать США) как

составляющая модернизации нередко связывается с глобализацией. Такова, например, позиция В.Г. Федотовой, по мнению которой достигнутый уровень глобализации есть итог модернизации, современная глобализация сама является продуктом модернизации. Как и модернизация, глобализация многомерна – уместно вести речь об экономическом, культурном, политическом измерениях глобализации.

Диалогу культур и субкультур способствует осознание каждым россиянином «множественности человеческой природы» (Дж. Лакс) или «множественной идентичности» (Л. Гозман, А. Эткинд). Это обстоятельство тем более важно, что такие группы являются выразителями тех или иных субкультур. Возникнув в результате исследования маргинальных групп (криминальных, иммигрантских и др.), субкультура в настоящее время включает в себя мировоззренческие установки и поведение не только маргинальных (периферийных), но и любых отличающихся культурной специфичностью групп, включая группы «креативные». Базируясь на социальной стратификации, субкультура отражает культурные особенности соответствующих слоев (групп) общества, обладающих собственной идентификацией, что не исключает их самоотождествления и с «базовой» («материнской») культурой.

Во *второй главе* «Культурная модель и ментально-антропологические формы современной российской модернизации» диссертант реализует теоретико-методологическое содержание понятийного ряда, проанализированного в предыдущей главе, к исследованию ментально-антропологических процессов, происходящих в культурном поле современной российской постиндустриальной трансформации.

В *первом параграфе* «*Российский модернизационный кризис конца XX века и ментально-антропологические трансформации*» автор исходит из того, что российскую модернизацию невозможно рассматривать вне связи со взаимоотношением России и Запада и определением места России в диалоге культур Запада и Востока.

Россия наряду со всей своей очевидной спецификой природно-климатических условий, собственной истории, включая геополитический ее аспект, культуры, менталитета все же не выпадает вопреки славянофильским и неославянофильским убеждениям из европейски-христианской цивилизации, а сочетает в себе черты Запада и Востока, Европы и Азии, как в прямом, так и в переносном смыслах (однако, и не на «евразийский манер»).

Российская постиндустриальная модернизация конца XX в., как, собственно, и все прежние отечественные модернизации, хотя и имела под собой объективные основания и была поддержана массами «снизу», инициировалась «сверху» и (на что указывают противники данного процесса и что имеет соответствующее подтверждение) «извне». Начало этой модернизации проходило под знаком кризиса, затронувшего все сферы российского общества. Первые годы своего существования суверенная Россия экономически, политически, культурно попала под западное влияние, так что частичное восстановление дореволюционных традиций носило формальный характер, ограничиваясь государственной символикой, сносом ряда памятников, переимено-

ванием наиболее одиозных названий населенных пунктов и улиц, публикациями трудов игнорируемых или забытых в советское время авторов, не очень успешным обращением к фольклору. Исключение составила десекуляризация, но и она происходила на фоне расцвета нетрадиционных и нередко деструктивных, религиозных организаций и усиления влияния исламского фундаментализма в северокавказском регионе.

Обострились межэтнические взаимоотношения, появились партии и организации шовинистического толка, профашистские молодежные группы. Провозглашенное в России построение правового государства существенно тормозилось конфликтом верховной исполнительной и законодательной власти, обернувшимся беспрецедентным фактом разгона парламента, судебным произволом, расцветающей коррупцией, незащищенностью граждан перед разгулом преступности. В массовом порядке нарушались права человека. Будучи слепком общества, теряла боеспособность армия. Не лучше, если не хуже, обстояло дело в сфере духовной культуры. Когда рухнули в условиях тоталитарного режима насильственно навязываемые коммунистические идеалы, образовался «духовный вакуум», очень быстро заполнившийся низкопробными ценностями западной массовой культуры и не менее, если не более, низкопробными отечественными подражаниями. Модернизационный кризис отразился на демографической ситуации в стране, и без того по понятным причинам не отличающейся высокой рождаемостью. Русскому и ряду других этносов (исключение составили регионы с населением, исповедующими ислам) реально угрожала депопуляция.

Модернизация России 90-х гг. XX столетия определялась, прежде всего, особенностями этнокультурного менталитета. Культивируемые в СССР пренебрежение к собственности и иждивенческие настроения наряду с объективными обстоятельствами отлучили большинство граждан обретшей независимость рыночной России от активного участия в приватизации и предпринимательстве. Не без нравственных переживаний люди самых разных профессий, многие с высшим образованием, вынужденно пополняли ряды рыночных торговцев, отношение к которым в первые годы мало отличалось от отношения к «спекулянтам» в советское время: их ругали, но к ним шли. Негативная оценка отечественных нуворишей, привычно обозначаемых как «олигархи» или «новые русские», усугублялась во-первых, сомнительностью быстрого обретения огромных состояний, во-вторых, вызывающим поведением купающихся в роскоши их владельцев и членов их семей. Данное обстоятельство существенно тормозило формирование гаранта стабильности – среднего класса.

В зависимости от этнокультурного менталитета политическая модернизация по-разному протекала в бывших республиках СССР. Политическая и экономическая модернизация России, несмотря на оппозиционные настроения, очень быстро сменившие у части населения эйфорию от свободы, проходила без гражданской войны и этнических погромов; государствообразующий этнос, русский, с одной стороны, в массе своей приветствовал падение тоталитарного режима, с другой стороны, накопил ценнейший историче-

ский опыт того «мультикультурализма», о котором так любят говорить на Западе: именно в России сосуществовали этносы и конфессии без проявления притеснений на этнической или религиозной почве.

Во *втором параграфе «Трансформация этнокультурных идентичностей и менталитетов в контексте постиндустриальной модернизации России XXI века»* рассматривается тот факт, что, пройдя объективно болезненный переход к рынку и демократии через модернизационный кризис, Россия сумела частично негативные последствия конца XX века преодолеть.

В ходе постиндустриальной модернизации в новом тысячелетии в стране осуществился и продолжает осуществляться ряд важнейших реформ и не только в экономике, но и в медицине, образовании, пенсионном обеспечении, в российских вооруженных силах, причем некоторые из них приобрели статус национальных проектов. Бурно развиваются средства коммуникации, информационные технологии, что соответствует специфике информационного общества. Во внутренней и внешней политике России также произошли заметные перемены. Установление электорального порога для партий привело к их «цивилизованному» минимуму в Государственной Думе РФ. Покончено с пресловутым парадом суверенитетов и выстроена строгая вертикаль власти. В целом успешно разбиты основные силы поддерживаемого из-за рубежа терроризма на Северном Кавказе, в Чечне налажена относительно мирная жизнь. Налаживая партнерские отношения с Западом и остальным миром, Россия начала исходить из собственных геополитических интересов, перестав мириться с политикой двойных стандартов.

Разграничение нации и этноса позволяет соответственно разграничить национальную и этническую идентичности. Если первая представляет собой преимущественно процесс становления национального самосознания, то вторая – процесс становления самосознания этнического. Национальная идентичность теснейшим образом связана с «национальной идеей», объединяющим стержнем, на котором выстраивается самосознание нации. В советский период «национальная идея» интернационализируется, подменяясь совместной задачей строительства мирового коммунизма. В постсоветской России, где стали проявляться те же центробежные процессы, что привели к распаду СССР, кризис идентичности болезненно выразился в кризисе идентичности национальной.

Нация представляет собой объединение по принципу гражданской принадлежности, где при доминирующей роли государствообразующего, титульного этноса присутствуют другие (современные миграционные процессы привели к тому, что даже некогда в основном моноэтнические государства являют сосуществование этносов, религий и культур, что нашло отражение в концепции мультикультурализма). Нам представляется, что реакцией на неопределенность выступает рост этнической идентичности (и других, называемых «фрагментарными»), а национальная идентичность как раз в таких условиях ослабевает. Опасное ослабление национальной российской идентичности на фоне роста идентичностей этнической, религиозной, региональной произошло в конце прошлого века, сопровождаясь ослаблением того

патриотизма, который принято обозначать «государственным» и роль которого трудно переоценить.

Культурно-цивилизационная сложность не отменяет специфики России, но вместе с тем не дает оснований дистанцироваться от европейско-христианской цивилизации, важной составляющей частью которой Россия является. Вместе с тем следует иметь в виду, что сама Европа в том ее понимании, которое отождествляет последнюю с Западом (куда так стремятся мусульманская Турция, Албания и другие страны) от России дистанцировалась и продолжает дистанцироваться. Правда, дистанцируется и от «новых европейцев»: наиболее отличающихся русофобскими настроениями прибалтийских государств, Польши, солидаризирующихся с ними откровенно антиросийскими политическими режимами в Грузии и Украине.

Патриотическая карта разыгрывалась с переменным успехом во все времена, патриотизм был положен в основу идеологии всех без исключения отечественных партий и движений постсоветской России, о необходимости патриотизма говорил и официоз. Тем не менее, ослабление патриотизма в 90-е гг. XX столетия в российском обществе, особенно среди молодежи и подрастающего поколения, было налицо. В XXI в. ситуация меняется. Этнокультурный менталитет русского и других этносов России все больше наполняется *новым патриотическим содержанием*, обращаясь в сторону «государственного» патриотизма.

Вместе с тем, несмотря на значительные успехи в борьбе с сепаратистскими настроениями, часто (именно так активно эксплуатируются и исламские лозунги) лишь прикрывающими организованную преступность местных кланов и главарей банд, на Северном Кавказе часть обманутого населения не желает россиянами себя считать. Пресловутый «парад суверенитетов», в условиях успешного и решительного выстраивания вертикали власти и укрепления позиций федерального центра практически сошедший на нет, тем не менее, внес в кризис национальной идентичности свой негативный вклад, который еще предстоит преодолеть.

Наконец, крайне отрицательную роль играют опасные проявления великорусского шовинизма, когда вопреки традициям и историческому опыту русского этноса, сумевшего на протяжении столетий выстроить свой, специфический мультикультурализм, формируется отрицательное восприятие «лиц кавказской национальности» и других людей «неславянской внешности», в крайней форме проявляющееся в нападениях и даже убийствах. Когда преступному физическому воздействию подвергаются иностранные граждане, страдает репутация России, когда свои же соотечественники, россияне, то усугубляется кризис национальной идентичности россиян.

Объективной основой преодоления кризисных явлений выступает целый ряд факторов, связанных с перспективами социально-экономического и политического развития России, следствием успешности которого является очевидная привлекательность сопричастности к нации россиян. Не менее важна и субъективная сторона вопроса, определяемая как внутренней политикой государства, так усилиями духовенства всех конфессий и этнической

творческой интеллигенции. Укрепление национальной идентичности россиян невозможно и без осознания территориальной общности огромной страны, в любой части которой любой россиянин чувствовал бы себя достаточно комфортно. Комфортным должно быть самоощущение россиян и за пределами России, государства, способного вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности своих граждан эффективно защищать их интересы за рубежом.

Однозначно положительным сдвигом, наблюдаемым в менталитете молодых россиян, на наш взгляд, является растущая тяга к высшему образованию.

Применительно к России, объединяющей многочисленные конфессии и этносы, историко-культурной основой национального самоопределения способен выступить российский патриотизм, разумеется, подкрепленный современными достижениями. Одних положительных примеров прошлого для формирования патриотизма недостаточно, тем более, что у отдельных этносов историческая память скорее содержит отрицательный материал: как эффективная основа патриотизма требуется комфортное существование в рамках Российской Федерации всех без исключения этносов во всех регионах российского государства. Большое значение имеет и внешнеполитический статус России в мировом сообществе, где происходит отход от приспособления к противопоставлению, а именно осознание собственных российских геополитических интересов. Современный этап российской модернизации без и вне глобализации неосуществим, но степень и формы присутствия России в глобализирующемся мире, выбор ею вариантов стратегии существования, наконец, ее обратное влияние на мировые процессы, включая глобализацию, еще предстоит определить. Возможно, методом проб и ошибок.

В **Заключении** обобщаются результаты, формулируются окончательные выводы и указываются перспективы дальнейшего развития темы исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих **публикациях** автора:

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в журналах из списка ВАК

1. Аспекты половой культуры христианских народов России и Закавказья // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. - № 2. – С.72-75 (в соавторстве со Страховым А.М.)
2. Русский характер в условиях модернизации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2008. - № 4 (44). Вып.3. – С.180-182

Статьи и материалы конференций

3. Архетипические образы менталитета // Язык, фольклор, культура: проблемы взаимодействия. Материалы межрег. межвуз. науч.-практ. конф. – Белгород: БелГУ, 2005. – С.36-38

4. Менталитет как система личностных ценностей // *Философия поверх барьеров: Планетарное мышление и глобализация XXI века: Материалы междунауч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов. Ч. 2.* – Белгород: БелГУ, 2006. – С. 70-73.

5. Современные проблемы национально-этнического сознания на Северном Кавказе. // *Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы: сб. статей II междунауч. конф.* – Омск: СИБИТ, 2007. – Ч. 2. – С. 284-295.

6. Менталитет как сущностная характеристика личности. // *Менталитет, мировоззрение, среда в педагогике ненасилия / Сб. науч. статей по проблемам педагогики ненасилия. Материалы XXVIII Всеросс. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 19 апреля 2007 г.)*. – СПб.: 67 гимназия. Verba Magistri, 2007. – С. 62-65.

7. Особенности менталитета в сравнении с национальным характером: на примере Армении // *Исследования мира и миротворческий курс в системе образования: Материалы II междунауч. конф. 14-16 июня 2007 г.* – Томск: Томский гос. пед. университет, 2008. – С. 138-142.

8. «Менталитет» и «ментальность» в современной отечественной науке о человеке и обществе // *Философия в XXI веке: междунауч. сб. науч. трудов.* – Вып. 15. – Воронеж: ВПГУ, 2008. – С. 66-73.

9. Свобода или рабство: ментальные установки русского народа и русский характер. // *Современные проблемы науки: Сб. материалов I Междунауч. науч.-практ. конф.: 27-28 марта 2008 г.* – Тамбов: ТАМБОВПРИНТ, 2008. – С. 99-100.

10. Гендерное «сужесие» и российский менталитет // Там же. – С. 100-101 (В соавторстве со Страховой К. А.)

11. Модернизирующаяся Россия и здоровье нации // *Образование и здоровье в педагогике ненасилия / Сб. науч. статей по проблемам педагогики ненасилия. Материалы XXXIX Всеросс. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 17 апреля 2008 г.)*. – СПб.: 67 гимназия. Verba Magistri, 2008. – С. 44-46.

12. Национальная идентичность россиян // *Образ русского человека в философской и социальной мысли. Пятое Кузбасские чтения. Материалы рос. науч. конф. с междунауч. участием (г. Кемерово, 29-30 мая 2008 г.)*. – Кемерово: Глобус-пресс, 2008. – С. 98-100.

13. Трансформация этнокультурного менталитета молодых россиян в модернизирующейся России // *Наука и молодежь в начале нового столетия: Сб. докладов междунауч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых.* – Губкин: ИП Уваров В. М., 2008. – Часть II. – С. 6-9.

14. Западная демократия и отечественный менталитет // *Духовное возрождение: сб. науч., науч.-приклад. и творч. работ. Вып. XXVII.* – Белгород: БГТУ, 2008. – С. 157-159.

15. Идентичность и идентификация в связи с этнокультурным менталитетом // *Сб. науч. трудов по материалам междунауч. науч. конф. «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2008'.* Т. 19. Философия и филология. – Одесса: Черноморье, 2008. – С. 3-6.

16. Этнокультурный менталитет в модернизирующейся России // *Человек в современном социуме: культура, этнос, гендер. Материалы Междунауч. науч. конф. 15-16 мая 2008 г. (г. Тула, Тульский гос. университет)*. – Тула: ТулГУ, 2008. – С. 236-238.

17. Россия и запад в условиях глобализации // *Н. Н. Страхов и русская культура XIX – XX вв.: к 180-летию со дня рождения: Материалы междунауч. науч. конф.* – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2008. – С. 188-189.

18. Этнокультурный менталитет сквозь призму политической модернизации на постсоветском пространстве // *Ученые записки (Выпуск девятый. Ч. 1): Сб. статей.* – Волгоград: ВИЭСП, 2008. – С. 31-36.

19. Особенности этнокультурного менталитета модернизирующейся России в эпоху глобализации // *Этнокультура и современность: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф., 7 февр. 2009 г.* – Белгород: БГИКИ, 2009. – С. 93-101 (В соавторстве со Страховой К. А.)

Подписано в печать 23.11.2009. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 213.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в издательстве
Белгородского государственного университета
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

